

ПЕРЕКРЕСТЬЕ МИРОВ

Рассказы

СТАРЫЙ МАКЛАЙ

I

Вот там, за лесопилкой, это север.

Там дальше Томск, и Васюганские болота, и Могочино, и Коломенские пески, и Нижневартовск. А потом тундра, Обская губа, а дальше и совсем — страх...

Здесь, за огородом, это восток.

Отсюда его не видно, но это из-за сосен.

Если идти в этом направлении, то за соснами будет наше деревенское кладбище. Хорошее кладбище, ухоженное. Красиво там.

Потом снова пойдут сосны. Там мы землянику собираем.

Дальше начинается березняк. Там клубники полно, и подберезовики тоже там.

Потом пойдут заброшенные поля, на которых молодые сосенки щеткой стоят, и березовые колки.

И если вот так вот прямо идти, то дальше вы пройдете мимо Бурятии, мимо Хакасии... Кяхта и Селенгинск где-то сбоку останутся. Монголия и Китай у вас окажутся немного правее, а выйдете вы прямо к берегу Тихого океана.

Направо по берегу, краем, пройдете через Китай и берегом, берегом придете в Корею.

А там переплыть в Японию очень просто.

Вот там солнце и восходит. За Японскими островами. И из Японии это лучше всего видно...

Здесь, в эту сторону, у нас будет юг.

Вон там — залив, их еще на реке затонами называют. Там мы рыбу ловим. Там и щука, и окунь, и судак туда заходит. А осенью туда сорога на нерест идет. Крупная, жирная, икраяная. Чуть не в килограмм весом встречается.

И карась там есть, тоже крупный. Но странный какой-то. Видно, скрестился с кем-то. Карасевую-то икру любая рыба опьяляет. Вот гибриды и получаются. В этом деле карась на ваших городских девчонок похож...

А юг чуть левее залива будет.

И если идти в эту сторону, то придете вы в теплые страны. Тут уж не ошибешься. Они там везде — и справа, и слева, да хоть и прямо идите.

Главное, не залезать в горы. В горах холодно. А где уж гор нет, там везде тепло...

А вон там, за рекой, это запад. Вот такой он и есть, а не то, что в телевизоре показывают...

Это отсюда, с крыльца, на тридцать пять верст видно. А если залезть на крышу, да с подозрительной трубой...

Простор — глядеть не переглядеть. Но я туда не хочу. Нет.

Здесь у нас все есть. Свое.

Живу я здесь в качестве Миклухо-Маклая.

И я думаю, что все Миклухо-Маклаи, или почти все, это беглецы. Все они торопятся не куда-нибудь, а откуда-то.

Что уж тут удивляться, что в конце концов все они оказываются Бог знает где.

Надо сказать, что деревня — место для бегства не совсем подходящее. Убежать сюда довольно легко. Но вернуться потом отсюда уже почти невозможно.

Человек рассудительный должен бежать в такое место, где есть деньги, и где их можно заработать. Чтобы снова сбежать, если такая нужда возникнет.

В деревне денег давно уже нет.

Мы тут живем натуральным обменом и взаимным зачетом всяких хозяйственных услуг. Вот поэтому вернуться отсюда трудно. Денег на дорогу не хватит. Разве только пешком...

Но для Миклух и Маклаев здесь рай. Это точно.

Каждого, кто ко мне приезжает впервые, я обязательно предупреждаю, что здесь у нас не столько деревня, сколько естественная психологическая обсерватория.

Все над этим смеются. Их очень веселит это словосочетание: психологическая обсерватория.

А

И с этой минуты Миклухо-Маклай уже может приступать к своим совсем не обязательным исследованиям: наблюдать человека в непривычной для него среде. Это в городе он имеет какой-то вес в мире искусства. А здесь он просто обычный человек. Только он этого не знает...

Почему-то сюда ко мне чаще всего художники и поэты приезжают.

Тут бы я грустно вздохнул...

То, что в городе выглядит серьезно и внушительно, на нашем огороде выглядит... довольно-таки... не всегда. И это печально.

Кроме того, каждый Маклай, живущий в деревне, хочет он этого или нет, вынужден наблюдать еще и жизнь постоянных обитателей этого места.

И это тоже печально.

Сидишь тут на перекрестке двух миров, и каждый из них живет в своем времени. И они совсем не понимают друг друга.

Два разных мира смотрят на меня с двух сторон и искренне недоумевают: а ты-то, Маклай, что тут делаешь? Ты чей — наш или ихний? Что тебе надо-то?

— Ваш, — отвечаю я обоим мирам одновременно.

И отворачиваюсь. Смотрю в пространство...

Но тут замечаю, что и пространство тоже смотрит на нас. И в его внимательном взгляде тоже таится какой-то вопрос...

II

Любой достаточно внимательный человек очень скоро заметит, что самая трудная работа в деревне, а иногда и довольно неприятная, это вовсе не весенние посадки, и не ежедневный полив огорода, и не переработка урожая, который каждое лето не знаешь, куда и девать.

Это вовсе не покосы, не строительные дела и заботы, и даже не стирка пододеяльников в тазу при помощи куска хозяйственного мыла.

Нет, нет и нет.

Это не заготовка дров или смена подгнивших столбов в заборе.

И не осенняя ловля мышей, когда их притягивает домашнее тепло, и они сгрызают в доме все, даже то, что есть категорически нельзя. Рукописи, рисунки, кожаную кепку, сумку, забытую кем-то и давно висящую на стене.

Нет, вовсе нет.

Самая трудная работа в деревне — это простое человеческое общение.

И дело не в том, что сельские жители, особенно те, кто не сильно отягощен хозяйством, искренне убеждены, что лето это самый подходящий сезон для пьянства. Ведь съезжаются дачники, к ним из города едут гости, и у каждого — у каждого! — в машине обязательно есть бутылка. Тут главное вовремя к ним подсесть, и пей, сколько есть. Или сколько нальют...

И люди из города тоже глубоко убеждены, что вся природа именно для того и существует. Приехал. Посмотрел. Водки выпил. Поехал обратно. Что там еще делать-то?

— А как же лес? — удивляется Маклай. — И наша река?

Ее нельзя посмотреть. С ней нужно жить, как со старшей женой, всю жизнь, до самого конца, до гробовой доски. А иначе — что ты о ней узнаешь?

Нет, дело совсем не в пьянстве. В нем ведь тоже есть своя прелесть...

Вся беда в том, что человек удивительно предсказуем, и предсказуем он даже в тот момент вдохновения, когда в состоянии душевного подъема осуществляет свой творческий подход к жизни.

И от этой предсказуемости иногда становится тошно.

Все роли расписаны, тексты выучены наизусть, остается только неблагодарный труд обычного исполнителя — без сцены, без понимающего зрителя, без оваций. Время, отпущенное нам на жизнь, утекает от нас, не наполненное ничем...

И эта предсказуемость слов и поступков постоянно возвращает Миклухо-Маклая к одной и той же мысли: что же это такое?

Деградация? Ритуал? Игра? Глупость?

Бог его знает...

Наверное, все вместе.

* * *

У русского тоталитаризма было вполне деревенское лицо. Так думает Миклухо-Маклай. И Маркс с Энгельсом не имеют к этому безобразию ни малейшего отношения. Потому что родился он здесь, в русской деревне, и жить ему тут еще очень долго.

Здесь все под контролем. Каждое действие учтено, истолковано, и посчитан каждый хвостик редиски на соседском огороде. Ни одно движение человека не остается без немедленной оценки общества.

Это тоже наше, родное. Людей всегда мало, а общество всюду есть. Другой раз невозможно понять, из кого же оно все-таки состоит?

Ну, казалось бы, живет человек на природе, среди живописных красот, среди мирных и скромных животных, дышит свежим воздухом, пьет чистую воду и крепко спит по ночам. Неужели он может злиться? Завидовать? Носить черный камень за пазухой?

Ведь стоит только приподнять глаза — и вот он, сосновый лес — во всей своей красе. Любуясь им, сколько хочешь.

Можно бросить взгляд в другую сторону и увидеть молчаливые воды великой реки, со спокойной уверенностью делающей свою вечную работу.

Можно поглядеть вверх — и опрокинуться в синюю глубину бездонного неба. И застыть, наблюдая, как ветер играет пушинками облаков.

Можно смотреть на закат, слушая ту торжественную тишину, которая наступает в мире в тот момент, когда солнце соскальзывает с пылающего неба за черную линию горизонта.

И можно часами сидеть ночью на деревянном крыльце, глядя на мерцание бесконечной россыпи звезд...

Нет. Сельский житель все это давно видел и теперь этими вещами интересуется мало. Ему гораздо важнее вдруг разогнуться, поставить свою лопату у стены покосившегося сарая, или бросить свой молоток на прогнившее крыльцо, или оставить посреди двора груды деталей от заглохшего автомобильного двигателя — только для того, чтобы сделать несколько шагов к забору и окинуть хозяйским взглядом соседний двор или соседский огород.

Если говорить серьезно, то для этого важного дела можно даже залезть на крышу.

— Что он там насадил-то? — громко спрашивает он свою жену, вглядываясь в пространство соседнего огорода. — Тыквы, что ли? Во дает! Куда ему столько?

Миклухо-Маклай слушает это обсуждение, занимаясь своими делами, и думает: «А ведь редкий сосед долетит до середины Днепра... Не может он без меня. Нет, не может...»

И Маклай с трудом разгибает спину, поднимается из самой чащи помидорных джунглей и громко отвечает соседу:

— Хочу, вот, твоей корове отдать. Для радикального улучшения аппетита.

— Куда тебе столько?! Что ты с ними делать будешь? — переключается сосед на него. — Вон сколько они места занимают! Лучше бы картошку посадил, сдал ее по осени перекупщикам, и все.

— Да, — соглашается Маклай, — что-то я не подумал... Это по пяти рублей за ведро, так с сотни... сколько же это будет?... почти двести рублей! Значит, посадил десять соток, выкопал, продал, и считай, что за электричество почти рассчитался... Это бизнес, это бизнес... Останется только налоги заплатить.

— Почему по пяти-то? — меняет тон сосед. — Подымут они цену, поди... Все-таки год прошел. Должны хоть маленько поднять.

— Поднимут, — соглашается Маклай, — если приедут. А не приедут, так пусть прежняя цена остается... — и вдруг вспоминает: — Я уж на днях Макаровне предлагал: давай, говорю, картошку друг другу продавать будем.

— Это зачем? — проявляет сосед живую заинтересованность.

— Как зачем? — удивляется Маклай. — Вон, в соседней деревне все брагу ставят и друг другу ее продают.

— И что? — недоверчиво интересуется сосед.

— Ничего. Все пьяные и все при деньгах...

Сосед уходит обдумывать эту странную мысль, и Маклай снова погружается в помидорные заросли, обрывая пасынки и выщипывая мелкие сорняки в лунках.

— Нет, — спрашивает сосед свою жену. — Зачем ему тыкв столько? Может, у него покупатель есть? Поди, договорился с кем-то...

И в состоянии глубокой задумчивости сосед берет в руки свою лопату...

В этот момент у забора Маклая останавливаются какие-то незнакомые женщины с той же самой задачей — внимательно и подробно изучить чужой огород.

— А помидор-то насадил! — всплескивает руками одна.

— Да уж! — громко отзывается другая. — Макаровна говорила: больше ста корней он насадил. И зачем это? У него ни скотины, ничего нету. Куда их девать-то будет? Вот скотину б держал, так корове бросил, и все. Не знаю, зачем это.

Тут третья начинает что-то горячо говорить, переходя на шепот, и они медленно удаляются.

— Да ты что! — доносится до ушей Маклая изумленное восклицание.

— Нет, ты послушай. Самое главное...

И она снова переходит на шепот.

— Эх, бабы, — вздыхает Маклай в своей помидорной роще. — Мало вам телевизора. Вы еще из своей жизни сериалы устраиваете...